

ТАТЬЯНА ЛААС



ЦАРСКАЯ КРОВЬ

ИСПЫТАНИЕ
КРОВЬЮ

ТАТЬЯНА ЛААС

ЦАРСКАЯ КРОВЬ

Испытание кровью



ГЛАВА ПЕРВАЯ,

В КОТОРОЙ РУШАТСЯ ПЛАНЫ НА ДЕНЬ, ЗАТО ПОЯВЛЯЮТСЯ НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА, МОЖЕТ, И НЕ К ДОБРУ



ОСЕНЬ ПАХНЕТ ПЕРЕМЕНАМИ. Это чувствуется во всем. В прозрачном, как слеза, небе. В сизой холодной воде реки. В крике улетающих птиц. В ночном грае воронов. В шепоте засыпающих деревьев, меняющих свое летнее изумрудное убранство на золото. В шорохе листьев, которые ветер гонит по тротуарам. В песне высоких волн Идольмена. В косых затяжных дождях; в первых, еще робких снежинках; в появлении голодных синиц; в тывканье крадущихся по окраинам города лис; в ночной волчьей песне. В клонящемся к горизонту, еще отчаянно летнем солнце, которое по вечерам отказывается греть. В кутающихся в теплые одежды горожанам. В шерстяных платках, появляющихся на деревенских бабах. В зонтах, под которыми прячутся те, кому не повезло быть обладателем собственного автомобиля. В промокших извозчиках, которых день ото дня становится все больше — из деревень в город приезжают желающие подзаработать.

Перемены. К лучшему или нет, но Светлана знала точно: этой осенью ее жизнь снова круто изменится. Раньше она любила перемены: новые места, люди, встречи, впечатления... Новая жизнь, которая всегда менялась к лучшему, иначе, казалось, и не бывает. Те-



перь принять бы перемены. Устоять перед их натиском. Выжить.

Через узкие щели разошедшихся за лето деревянных рам в чешуйках отслаивающейся масляной краски несло холодом, прелыми листьями и неприятным угольным дымом, царапавшим больное горло. Осенью в промозглом и всегда дождливом Суходольске Светлана постоянно маялась простудами. В маленькой кастрюльке, стоявшей на плите-колдовке, закипела вода. Светлана заварила в толстой, долго удерживающей тепло кружке растворимый кофе* — забавную придумку химиков, ставшую популярной в окопах Великой войны**, отгремевшей почти дюжину лет назад. Аромат горечи и бодрости перебил уличный дух.

Сахар закончился еще вчера вместе с молоком. Купить новую упаковку рафинада Светлана не успела. Жаль, но придется пить черный кофе. Эх, замечталось ей, сейчас бы самовар, да с вазочками густого варенья из лесных ягод, да с ватрушками с рассыпчатым сладким творогом, или пышками, или... или пирожками! Голодная с рассвета Светлана в своих мечтах была согласна даже на калитки***, которые местные дворяне, вроде княжича Михаила Волкова, совсем не воспринимали — как же, еда простолюдинов. Он, окромя пышных пирогов из местной ресторации, содержащейся выходцами из Франции, ничего не признавал. Убирая в шкаф небольшую колдовку, купленную с Михаилом вскладчину вместо старого примуса, Светлана грустно

* Первый коммерчески выпускаемый растворимый кофе появился в 1909 году. Его запустил в производство химик Джордж Констант Вашингтон. В нашем мире этот кофе успеха не добился *(здесь и далее примечания автора)*.

** Великая война — одно из названий Первой мировой войны 1914–1918 годов в период от 1918 до 1939 годов.

*** Калитки — открытые пирожки из ржаного теста, начинкой которых традиционно были крупы: ячневая, рисовая, перловая.

улыбнулась: «Совсем ты, Светочка-Веточка, мешчанкой стала, даже мысли простые, приземленные, глупые. Калитки, чай да варенье! И куда делась восторженная ба-рышня, мечтавшая повидать мир и изменить его?» Ба-рышне недавно исполнилось двадцать три года, и она окончательно перестала видеть мир в розовом цвете.

Светлана взяла кружку и подошла к окну. Немного знобило. Суконный тонкий чиновничий мундир черного цвета, расшитый, как и положено, серебром, не спасал от холода. Топить магуправу, даже на ночь, прижимистый Богдан Семенович истопнику Ивашке пока запрещал, считая это ненужной тратой казенных денег. Светлана, грея холодные пальцы об обжигающе горячую кружку, ждала, когда в управу придет Михаил, и ее двухдневное дежурство наконец-то закончится. Двухдневным оно было как раз из-за него. Он укатил в середине недели в родительское поместье в Волчанске по хозяйским делам, а Светлана привычно выходила за Михаила на дежурства — потом он изрядно платил за то, что она его прикрывала.

За окном просыпался город после Всенощной. Шуршали метлами, наводя порядок, дворники в лихо заломленных картузах и длинных, некогда белоснежных фартуках поверх красных косовороток с жилетками. Прошелся по еще пустой улице, проверяя работу оных, городской*. Он уже сменил белый летний китель на зеленую военную тужурку, популярную в полиции после Великой войны. Начинался тихий, безопасный для жизни городских сезон. Количество ночных нападений язычников и всякого сброда на полицейских пойдет на убыль: еще умудриться надо в темноте рассмотреть защитного цвета тужурки, а белые кители, как мишень, видны издалека, словно приглашение начи-

* Городовой — низший полицейский чин в столичных, губернских и уездных городах. Отвечал за порядок на улице.



стить рожу ненавистному городовому. Да и городских станет больше. Скоро вернутся уехавшие в деревню на летние заработки парни, и в полиции опять будут укомплектованы все участки. Даже магуправе станет жить легче — перестанут дергать по мелочам из-за недостатка полицейских.

Порыв ветра щедро рассыпал по тротуарам золотые листья, добавляя дворникам работы. В сизых лужах, оставшихся после ночного дождя, отражались редкие солнечные лучи. Небо стремительно заволакивало тучами, наползавшими на город со стороны Идольмена, огромного озера, родного брата Ладоги и Онеги. Суходольск, губернский город, стоял на его крутых берегах.

Михаил запаздывал, как и письмоводитель с первого этажа. В управе стояла гнетущая тишина, только ходики на стене и тикали.

Почти восемь утра. Кружка в руках стала остывать. По улице быстро пронесся магомобиль, клаксоном разгоняя спешивших к церкви лоточников. Сегодня большой праздник — Рождество Пресвятой Богородицы, на улицах будет не протолкнуться. Светлана сделала глоток кофе, согревая больное горло. Всенощную она из-за Михаила пропустила — придет на литургию. Времени оставалось лишь забежать домой, выпить лекарство и привести себя в порядок перед праздником.

В голове было пусто и сонно, хотя Светлана и выспалась на узком неудобном служебном диване. В преддверии праздников горожане Суходольска становились чудо как законопослушны и магией в неправедных делах не пользовались. Светлана вздохнула. Ей сегодня опять снился запретный сон: лето, жара, одуряющий аромат трав и звонкий смех мальчишки, запускающего в синие бездонные небеса воздушного змея. Сон, который привычно смыло черной ледяной волной кошмара.

В кармане широкой чиновничьей юбки звякнул кристаллик — артефакт, положенный Светлане по

службе. Это был не только беспроводной телефон, но и магдетектор, позволявший засекаать незаконное применение магического эфира. Звонка Светлана не ждала. Если бы телефонировала полиция, вызывая на место преступления, то приставы бы воспользовались городским телефоном. Он важно стоял на столе начальника, Богдана Семеновича Смирнова, блестя в утреннем сумраке медными деталями на трубке и корпусе. Ивашка, служивший в управе за уборщика, его чуть ли не каждый день начищал, как медяшки на корабле.

Светлана приняла звонок:

— Коллежский секретарь* Богомилова. Слушаю.

В кристалнике раздался до противного бодрый и веселый голос Михаила:

— Доброе утро, Светлана! Надеюсь, не разбудил!

Она еле сдержала просящиеся на язык, но при этом крайне неподходящие для воспитанной барышни слова. Почти восемь утра! Ей скоро отчитываться полицмейстеру** об отсутствии ночных происшествий, к счастью, по телефону. Какой сон?! Грустные мысли о необязательности Михаила пришли в голову Светлане. Кажется, молодой княжич только-только встал и на дежурство не спешил.

Светлана с холодком в голосе сказала:

— И вам доброе утро, Михаил Константинович.

Сейчас он для нее Михаилом не был. Не заслужил.

Тот, как всегда, намеков не понял:

* Коллежский секретарь — гражданский чин X класса в Табели о рангах, в наше время соответствовал бы званию старшего лейтенанта. Табель о рангах — законодательный акт, регулирующий порядок чинопроизводства в Российской империи. Это система социального лифта, позволявшая за усердную службу получить дворянство.

** Полицмейстер — начальник полиции в крупных городах Российской империи.



— Светлана, душа моя, прости меня, погрязшего в тяжком быту, но не могла бы ты сегодня выйти на дежурство вместо меня в магуправе?

Она закрыла глаза. Иногда она не понимала: зачем молодой, импозантный, одаренный магией, вечно занятый делами рода княжич устроился на службу в магическую управу Суходольска? Такие, как Михаил, или в столице служат, или идут по военной стезе, или занимаются делами поместья да бонвиванствуют*. Михаил Константинович бонвиванствовать не любил, но и на службе летом да осенью, когда дел в поместье хватает, почти не показывался. Михаил как маг хорошо управлял погодой. Из-за таких, как он, Суходольск и утопал в дождях: где-то же они должны пролиться в уборочный сезон — не в полях, так в городе.

Голос в кристальнике взмолился:

— Душа моя, это последний раз, когда ты заменяешь меня на дежурстве. Прошу... Умоляю... Сжалось — больше никогда, клянусь тебе! Светлана, свет моих очей, прошу.

Она не любила, когда ее именем так игрались.

— Михаил Константинович, прекратите паясничать.

Он, явно где-то в поместье, наслаждаясь теплом и уютом, булочками и чаем, уже серьезно попросил:

— Светлана Алексеевна, прошу, выйдите на дежурство вместо меня. Последний раз — клянусь, дальше все изменится. Я больше никогда не попрошу вас о таком одолжении. Я в Волчанске, с семьей... Если вам сегодня, в этот светлый праздник, так важно быть дома, то я постараюсь приехать к обеду — схожу на литургию с семьей и приеду.

Светлана прикусила губу — поймал, балабол языкастый. У княжича Волкова была большая семья, тогда

* Бонвиванствовать — жить в свое удовольствие, богато, весело, беспечно.

как Светлана стала круглой сиротой после «Екатерининского гнева». Тогда полыхала почти вся страна: от восточных границ до западных. На Камчатке проснулись вулканы. Путорану приподняло на десяток саженей, по аллее между Уралом и Кавказом гуляли торнадо, сам Урал вымахал ввысь не меньше чем на версту, а где и больше. Торфяные болота горели, леса тем более, даже Черное море зашло в пламени. А Санкт-Петербург просто смыло волной-убийцей. Надо же... События, перекроившие Российскую империю и чуть не разрушившие ее, произошли десять лет назад. Десять лет Светлана выживала одна, без поддержки родных. Она понимала, что важнее семьи нет ничего. Сейчас она есть, а потом огромная волна-убийца в одночасье может слизать весь город, убивая всех на своем пути. Светлана тихо сказала:

— Михаил Константинович, не стоит приезжать в город — тут тихо. Праздники же. Я, конечно, подменю вас на дежурстве. Ничего страшного. Передавайте мои поздравления вашей семье. Особенно князю Константину Львовичу.

Отец Михаила был в Санкт-Петербурге в момент «Екатерининского гнева» и из-за обрушившегося на город цунами, когда духи воды и земли сошли с ума, сильно пострадал, навсегда оказавшись прикованным к инвалидному креслу. Даже магическое лечение не спасло его раздробленный позвоночник.

Михаил воспрял:

— Светлана, ты свет в окошке, чудо! Буду должен. Завтра, слово чести, я выйду на службу.

Она напомнила:

— Завтра в управе дежурит сам Смирнов, так что ваша жертва с выходом на службу, Михаил Константинович, будет напрасной.

— До завтра, душа моя, люблю тебя, — бархатисто попрощался Михаил.



— До завтра, — бесцветно ответила Светлана, отключая артефакт.

Она залпом выпила остывающий кофе и вздохнула. Опять все планы на день пошли прахом. Иногда Светлана искренне не понимала княжича, уже второй год упрямо выдающего ей свое расположение. Он же не мог не понимать: пропасть между ними не заполнить ничем. Он княжич, пусть их семейство и потеряло часть своих богатств с гибелью Санкт-Петербурга. Будущий князь Волков. Сильный маг второго ранга с возможностью взятия первого при старании. Светлана же сирота из мещан, слабый маг четвертого ранга — на одну ступень выше, чем ничто. Ей в этом мире светит лишь личное дворянство при должном усердии на чиновничьем поприще. Она рано или поздно станет вечной титуляшкой*, упершись в барьер, не пропускавший дальше женщин в России. Высшее образование даже сейчас было редкостью, а Светлане и надеяться на него глупо: никто ей не оплатит учебу в университете, никто в годы учения не будет ее содержать. Попасть же в бесплатный Императорский набор она не сможет — не с ее уровнем магии на такое надеяться.

Звонок раздался, опережая Светлану, она собиралась телефонировать полицмейстеру, отчитываться о ночном дежурстве. Поставив пустую кружку на свой стол, она подошла к телефону и сняла тяжелую, отделанную деревом трубку:

— Магуправа. Дежурный маг Богомилова. Слушаю.

В трубке раздался незнакомый, хриловато-простуженный мужской голос, низкий и довольно притягательный:

* Титуляшка — насмешливое прозвище чиновников, навсегда оставшихся в чине титулярного советника, IX чина согласно Табели о рангах, в наше время это было бы звание капитана.

— Доброе утро, вас беспокоит участковый пристав Громов, Уземонский участок. В Сосновском парке обнаружено тело убитой, магдетекторы выдали слабый сигнал — то ли магическое убийство, то ли церковные эманации* накладываются. Вы... — Пристав замешкался, не зная, как продолжить.

Светлана сама закончила за него:

— Присылайте служебный магомобиль — я, конечно же, поеду с вами на вызов.

Громов простуженно кашлянул, извинился и отчитался:

— Через полчаса будем у вас.

— Буду ждать.

Светлана положила трубку и посмотрела на магдетектор, висевший в кабинете. Он улавливал эфир — ту энергию, которой оперировали маги. Стрелка детектора колыхалась между двойкой и тройкой. Эфирное поле нарастало.

Светлана спешно направилась в уборную мыть кружку. Богдан Семенович — брюзга и будет долго выговаривать за беспорядок на службе. «И вообще, чиновники в трактирах должны питаться!» А то, что в трактир барышень без сопровождения мужчин не пускают, он предпочитал не вспоминать. Питаться же одними пирожными в кафе по типу «Доминика» Светлана долго не выдержала бы. Вымыв кружку, умывшись и привычно ущипнув себя за щеки, чтобы вызвать румянец, Светлана замерла: и для кого она это делает? Ради какого-то хвостомойки — так в городе прозвали полицейских Уземонского участка. Она провела расческой по коротким рыжим волосам. Нет, она это делает ради самой себя. Хорошо выглядеть можно даже в чиновничьем безликом мундире. Она быстро мокрой

* Эманации — истечение чего-либо откуда-либо, в данном случае течение эфира.



рукой почистила одежду, на которую налипли волоски с обивки дивана. Разгладить складки на юбке Светлана не могла. Навыками бытового мага она почти не обладала, а за утюгом бежать было не с руки, скоро хвостомойки приедут.

Светлана отчиталась по телефону об отсутствии происшествий дежурному «титуляшке» городской управы. Самого полицмейстера на месте не оказалось. Накинув на плечи плащ и предупредив о вызове опоздавшего на службу Ерофея Степановича, письмоводителя и вечного коллежского секретаря, Светлана выскочила на крыльцо. Магомобилия с эмблемой Уземонского участка еще не было. Хвостомойки, как всегда, опаздывали. С новым приставом, прибывшим на службу месяц назад из самой Москвы, Светлана еще не сталкивалась. С ним на выезды до этого ездил Богдан Семенович. Она знала только, что новый хвостомойка честололюбив и крайне хваток. По приезде в Суходольск он за две недели поймал неуловимую банду, грабившую лавки на набережной Уземонки. Местные год не могли с ними справиться. Если он так будет вести дела и дальше, то скоро вернется обратно в Москву, перескочив через чин, а то и через два. Так часто делали для своих чиновников. В Москве не особо поскачешь через чины, там таких и без молодого хвостомойки Громова хватает.

Небо окончательно затянули низкие черные тучи, и первые капли дождя застучали по мостовой. Светлана передернула плечами. Опять мокнуть: зонт она забыла дома, а ее летние туфли долго не выдержат затяжного дождя. Новые осенние ботинки она еще не купила — не успела, в том числе и из-за Михаила. Старые же отказывался чинить даже местный домовый Тишка. Светлана нахмурилась: его блюдечко с молоком уже второй день стояло в холле так и не вышитое. Загулял? Заболел? Влюбился? Или что там может приключиться с домовым?

Улица, осенью очаровательно зеленая от обильно прораставшего между щелей тротуарной плитки мха, превратилась в волшебный лес. Прохожие раскрывали свои зонты, напоминавшие шляпки грибов: в этом сезоне с чьей-то дикой подачи стали популярны яркие расцветки. Светлана улыбнулась: если чуть-чуть пофантазировать, то прочь по улице плыли в сторону площади с храмом яркие красные мухоморы, рыжие лисички, зеленушки и какие-то еще, явно ядовитые, синие... синюшки.

Рядом лихо затормозил серый «Руссо-Балт» с эмблемой полиции на капоте и знаком хвостомоек на дверцах. От магомобилия немного несло эфиром. Кажется, кристалл, питающий мотор, был отвратительного качества. Как всегда — э-ко-но-ми-я! Выходить под уже разбушевавшийся дождь не хотелось. Светлана замерла на крыльце. Задняя дверца открылась, и из машины, открывая приличный черный зонт, вышел Громов.

Светлана не угадала: он не был молод. Лет тридцать, а то и старше. Короткие темные волосы, зачесанные назад; стальные глаза; острые скулы; тяжелый раздвоенный подбородок. Хорош собой, что уж скрывать. На погонах, не по уставу широких, было всего три звезды — коллежский секретарь, как и она. Забавно. В его-то годы. Неужели из разжалованных да посланных в провинцию? И что же умудрился сотворить этот новый хвостомойка в столице, что его отослали так далеко, хотя и не в Сибирь?

Одет Громов был, как и все полицейские, не по уставу. Светлана даже понимала его: ей, как чиновнику, повезло с мундиром, а вот полицейская реформа буксовала с прошлого века. Форма, красивая на рисунке, вживую вызывала смех даже у самих полицейских, так что по уставу они одевались только на смотры, когда этого было не избежать. Вот и Громов вместо полицейского кафтана ниже колен носил короткий двубортный



сюртук, причем ярко-хвойного цвета. Видимо, после Москвы он еще не заказал новый. Местные ходили в невнятно-болотистом. Цвет формы не сильно оговаривался, варьируясь от губернии к губернии, от уезда к уезду, от города к городу, и зависел только от местных поставщиков сукна. Серебряный шнур у Громова, как и положено, висел от ворота к кобуре. Там наверняка был браунинг образца 1903 года. Именно их закупали для полиции. «Селедку»* на поясе новый пристав не носил. Вместо синих широких штанов он предпочитал узкие брюки и не положенные к ним сапоги. Увидела бы матушка-императрица — выговора бы не избежать. Впрочем, императрицы, как и императора, из наследного рода Рюриковичей в России не было уже почти десять лет. Трон, конечно, был занят какой-то седьмой водой на киселе, против которой возражали сразу все королевские дома Европы, зато эта «вода» пока устраивала Государственную думу своим невмешательством в государственные же дела. Конституционная монархия, однако!

Громов шагнул к Светлане, уточняя:

— Фотиния Алексеевна? — Он как-то странно посмотрел на ее туфли и тихо пробормотал себе под нос: — Холера...

Она заставила себя не кривиться — привыкла уже, что ее вечно пытаются переименовать:

— Нет.

Громов нахмурился — ему чрезвычайно шла складка между бровей.

— Госпожа Богомилова?

Светлана смилостивилась над ним:

— Так точно. Светлана Алексеевна Богомилова, коллежский секретарь. И не смотрите так, я не язычница. Звать жандармов или сразу кромешников не стоит.

* «Селедка» — шутовское название полицейской шапки.

Кромешники, служившие в Опричнине, были самыми сильными магами в стране и самыми загадочными. Как цепные псы они служили императорам, незамедлительно появляясь там, где были нужны властям, и давили крамолу. Преданнее и страшнее этих магов не было. Некоторые даже верили, что кромешники не люди, а адские твари — больше никому не подчинялась магия тьмы.

Громов предпочел промолчать — предложил Светлане руку, укрывая от дождя своим зонтом. Куда делся ее, он, к счастью, не поинтересовался.

— Пройдемте в магомобиль.

Светлана согласилась: обсудить ее имя можно и во время поездки. Знала же, что пристав не уgomонится. Мало кто верил ей с первого раза, что она не Фотиния. Еще меньше было тех, кто не пытался обвинить ее в язычестве.

В салоне магомобилия было душно, воняло полиролью для кожи и какой-то прелью от обивки. Светлана поморщилась, и Громов тут же распорядился:

— Синица, открой окно — тут не продохнуть.

Молодой парень на переднем сиденье попытался возразить:

— Александр Еремеевич, так дождь же!

Тот буркнул:

— Не сахарный — не растаешь.

— Но Алекса...

Светлана, прерывая начинающийся ненужный спор, открыла окно со своей стороны. Сразу стало легче дышать. Громов не удержался:

— Стыдно должно быть, Синица.

Тот косо поглядел на Светлану и возразил:

— Госпожа Богомилова маг, ей поставить щит от влаги как не...

Громов предупреждающе кашлянул, урезонивая своего помощника, и тот поправился:

